

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

75 538
36

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. СИДОРОВ

55

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

К ИСТОРИИ ВОЕННЫХ РЕФОРМ 50-х ГОДОВ XVI в.

Реформы 50-х годов XVI в. — важный этап в истории Русского централизованного государства. Проведенные в обстановке напряженной классовой борьбы крестьянства и посадских людей, эти реформы имели своей основной задачей дальнейшую консолидацию господствующего класса феодалов и укрепление централизованного аппарата власти. В советской исторической литературе за последние годы появилось много работ, освещающих различные стороны преобразований 50-х годов XVI в. В этих работах уделяется внимание политической деятельности правительства Адашева и Сильвестра и борьбе между отдельными группировками за власть¹, Судебнику 1550 г.², преобразованиям в центральном правительственном аппарате³, внешней политике⁴. Вместе с тем отдельные стороны реформ 50-х годов XVI в. остаются недостаточно изученными. К их числу относятся прежде всего военные преобразования, сыгравшие важную роль в укреплении боеспособности русской армии и содействовавшие успехам русских вооруженных сил в годы борьбы за присоединение Казани и Астрахани. Настоящая работа посвящена изучению первых попыток военных реформ в 1549—1552 гг., т. е. в первый период деятельности правительства Адашева и Сильвестра, проводивших политику компромисса между отдельными группировками класса феодалов.

* *

*

Образование централизованного государства привело к серьезным сдвигам в составе и организации вооруженных сил на Руси. Однако создание многонациональных государств на Востоке Европы происходило, как известно, в условиях еще неликвидированного феодализма. Поэтому и вооруженные силы на Руси долгое время сохраняли еще черты войска периода феодальной раздробленности. В этом отношении особенно показательно наличие собственных войск не только у удельных княжат, но и у княжат «служебных». В процессе объединения земель в единое государство многие княжества и бояре вошли со своими вотчинами и «дворами» (вассалами, свободными и несвободными слугами) в состав Русского централизованного государства и сохранили некоторые феодальные права и привилегии. С этими правами русскому правительству приходилось вести напряженную борьбу. Одним из таких прав было так называемое «право отъезда» к другому сюзерену. В условиях образования единого Русского государства осуществление «права отъезда» превращалось в прямую государственную измену, поскольку «отъезды» могли быть теперь совершены только в пределы великого княжества Литовского¹. Средством борьбы с этими отъездами было взятие клятвенных (и поручных) записей на верность службы московскому великому князю². Вторым важным правом привилегий княжеско-боярской аристократии было местничество, мешавшее привлечению на высшие командные должности талантливых военачальников незнатного происхождения. Вред местничества уже осознавался современниками. Так, говоря о неудаче похода на Казань 1530 г., один летописец прямо писал, что русские войска «не взяли города потому, что воеводы Глинской з Белским меж себя спор учинили о местах, которому ехати в город наперед»³. К середине XVI в. местничество на практике подвергалось серьезным ограничениям: правительство стремилось учесть при назначении воеводами не только «породу» (знатность), но и «службу», т. е. опыт службы в вооруженных силах. Отдельными указами правительство вовсе отменяло местнические счета в армии на время того или иного похода.

Отменялись также на время похода счета между отдельными воеводами. Так, летом 1540 г. от имени Ивана IV было написано кн. Ю. М. Булгакову, местничавшему с кн. В. А. Микулинским, «чтоб он ко князю Василью Андреевичу ездил и дела великаго князя берег с ним за один, а та ему служба не вмест[н]а, а как служба минетца, а будет ему до князя Василья дело о местех, ино им тогда дати суд»⁴. Все эти ограничения были явно недостаточны, и к середине XVI в. все чаще и чаще раздавались голоса, требовавшие окончательной отмены местничества — этого типичного пережитка феодальной раздробленности в организации вооруженных сил.

Первые сведения о правительственных планах ограничения местничества мы находим в одном любопытном проекте, сохранившемся в сборнике волоколамского игумена Ефимия Туркова (Гос. Публ. биб-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Q XVII, № 50, лл. 332 об.—339), ученика видного церковного деятеля середины XVI в., участника Стоглавого собора, новгородского архиепископа Феодосия. Впервые

издал текст проекта И. Н. Жданов, приурочивший его к Стоглавому собору, ибо по своему стилю и содержанию он напоминает царские вопросы на Стоглаве, помещенные в Сборнике после проекта¹.

Позднее Н. Конанов обратил внимание, что в проекте ставился вопрос о монастырских слободах, тогда как он был решен в сентябрьском приговоре 1550 г.; таким образом, проект мог быть составлен только до сентября 1550 г.² Еще более уточнил дату документа С. О. Шмидт, указавший на отсутствие в нем упоминания об июльском приговоре 1550 г. относительно отмены местничества, тогда как решения о местничестве конца 1549 — начала 1550 г. там отмечаются. С. О. Шмидт связал проект с предполагаемыми им заседаниями Земского собора, которые могли иметь место в июне — июле 1550 г.³

Однако есть основания для более точной датировки памятника. Проект реформ во всяком случае составлен до издания Судебника Ивана IV в июне 1550 г., ибо в нем имеются ссылки на «уставные книги» Ивана III и Василия III и ни слова нет о Судебнике Ивана IV, хотя поднимаются вопросы, так или иначе нашедшие отражение в этом законодательном своде (например, о боярском землевладении и т. д.).

Проект не мог быть составлен ранее похода на Казань, т. е. ранее ноября 1549 — марта 1550 г. Но вероятнее всего, что царь отдал распоряжение о составлении проекта еще под Казанью. Проект, составленный в виде царских предложений, обращенных к церковному собору, князьям и боярам, начинается с упоминания об ограничении местничества, которое было проведено во время этого похода. По тексту получается, что во время написания проекта царь находился под Казанью: «И как приехали х Казани, и с кем кого ни пошлю т... бывает дело не крепко; и отселе куды кого с кем посылаю... помешка бывает».

Царь отправился под Казань из Нижнего Новгорода 23 января 1550 г.⁴, а вернулся в Москву в марте 1550 г.⁵ Таким образом, разбираемый проект был написан около февраля 1550 г.⁶ Если поводом для его составления было местничество воевод под Казанью, то причины этого лежали глубже; они коренились в необходимости серьезных преобразований государственного аппарата, к которым было приступлено еще в феврале 1549 г.⁷

В проекте говорится о трех приговорах по вопросам местничества: первый из них был дан в Москве перед отправкой в поход (ноябрь

1549 г.) — чтобы «во всяких посылках в всяком разряде не местничатися»¹. Этот приговор был подтвержден во Владимире (декабрь 1549 г.) и в Нижнем Новгороде (январь 1550 г.).

До нас дошла запись о приговоре во Владимире из разрядных книг. Согласно этой записи, на время Казанского похода все местнические счета между служилыми людьми отменялись («розни бы и мест меж их однолично некоторые не было... для земского дела все ходили без мест»). Все местнические счета должны были быть разобраны по возвращении из похода («А кому будет каково дело о счете, и как оже даст бог с своего дела и с земского придет, и государь им счет тогды даст»)².

Владимирский приговор (декабрь 1549 г.) дошел не только в записи разрядных книг, но и в одной дефектной копии, изданной П. Свиньина и дьяка Н. Фуникова и дьяков А. Васильева и У. Львова, говорящие о том, что список восходит к официальному тексту. После слов «велел написать» идут слова: «дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи велел руки свои приложить». В конце документа помещена фраза: «Дьяк Андрей Васильев уложил о наряде и применения ему доведется разряде».

Список Свиньина дает более точные сведения о приговоре 1549 г., чем запись разрядной книги. Приговор 1549 г. был принят как чрезвычайная мера. Однако он был явно недостаточным. Об этом свидетельствуют местнические споры воевод под Казанью, чем в известной мере объясняется неудача похода («ино всякой розместничается на всякой посылке и на всяком деле»)⁴.

Поэтому уже в июле 1550 г. правительство Ивана Грозного издало новый приговор о местничестве⁵, подтвердивший и конкретизировавший постановление 1549 г. о местнических делах⁶. Впрочем, приговор стремился не отменить, а лишь урегулировать местнические счета. В нем прежде всего устанавливалось старшинство первого (большого) воеводы большого полка по отношению к воеводам всех других полков. Таким путем укреплялось единоначалие в армии. Эта реформа вполне соответствовала пожеланиям И. С. Пересветова, высказанным как раз в сентябре 1549 г., — о том, чтобы все военачальники подчинялись мудрому «паше», назначенному царем⁷.

Приговором были упорядочены местнические взаимоотношения между воеводами. Второй воевода большого полка должен быть «без мест» с большим воеводой полка правой руки (т. е. оба они приравнивались в служебном и местническом отношении). Остальные воеводы — правой руки, передового и сторожевых полков должны быть «не менши» большого воеводы правой руки; а воеводы левой руки — не меньше воевод передового и сторожевого полков. Следовательно, первые воеводы передового и сторожевого полка приравнивались к первому воеводе правой руки, который был «без мест» со вторым воеводой большого полка. Воеводы левой руки соответствовали воеводам передового и сторожевого полка, но признавались «меньшими» воеводами по сравнению с воеводами правой руки. Приговор повышал роль и самостоятельное значение воевод отдельных полков на время военных операций. Вместе с тем принятое решение было явной уступкой княжеско-боярской знати, которая по преимуществу и назначалась на командные должности. Приговор этот в части этой был сформулирован так, что устанавливалось соподчинение воевод (воевод правой руки), но не устранялись возможности для их местнических счетов. Приговор говорил, что воеводы должны быть «без мест», «не менши» других и т. д., не предreshая вопроса об их местнических счетах. Это давало возможность правительству при назначении на высшие командные должности лавировать, избегать наиболее вопиющих несуразностей, порождаемых местничеством, не отменяя его окончательно.

Заключительная часть приговора запрещает местничество на «службе» с воеводами. Эта часть приговора безусловно содействовала укреплению дисциплины в дворянской армии, повышала роль воевод на время военных действий. Приговор в то же время давал какую-то гарантию боярской аристократии, что их чести «порухи» не будет. Компромиссный характер приговора объясняет его жизненность (он действовал около 100 лет) ¹.

В целом июльский приговор 1550 г., ограничивший местнические счета на основе сложившейся практики взаимоотношения воевод в полках, имел большое значение для поднятия боеспособности и дисциплины в дворянской армии. Однако его значение уменьшалось тем, что боярская знать не желала считаться с принятыми решениями и зачастую нарушала запреты, принятые в 1550 г. К тому же никаких санкций за нарушение постановления приговор 1550 г. не вводил.

Чтобы приговор 1550 г. имел действенное значение, правительству нужно было укрепить как военно-служилое положение дворянства, так и его материальную базу, и тем самым создать кадры военачальников, которые могли бы сменить представителей боярской аристократии. Этой цели служил октябрьский проект 1550 г. испомещения избранной тысячи под Москвой. Смысл этого проекта сводился к укреплению положения верхов дворянства, с тем чтобы использовать их для выполнения важнейших служебных поручений. До настоящего времени в литературе не ставился даже вопрос, осуществлен ли был этот проект или нет. Признавалось само собой разумеющимся, что Иван IV испоместил свыше 1000 дворян в Московском и соседних уездах (в окружении 60—70 км от столицы), наделив поместьем тех из служилых людей, которые не имели под Москвой никаких владений ².

Однако сама Тысячная книга об этом ничего не говорит; в ней со-
держится лишь распоряжение об испомещении тысячников, причем на-
званы лица, которые должны были получить земли в Московском и со-
седних уездах, но нет ни слова о том, какие конкретные земли эти лица
получили, да и вообще было ли осуществлено предписание правитель-
ства¹. Нет ни слова о реформе и в других известных нам источниках.
Весьма показательна, что в дворянских родословных росписях XVII ве-
ка имеются лишь ссылки на Тысячную книгу, а не на земли, реально по-
лученные в результате испомещения²; следовательно, никакими сведе-
ниями об этом испомещении потомки «тысячников» не располагали.

Вопрос окончательно решается сопоставлением Тысячной книги с
писцовыми книгами конца XVI в. и боярской книгой 1556 г.

Писцовые книги по Московскому, Дмитровскому и Звенигородскому
уезду конца XVI в. сохранились не полностью. Наиболее важные для нас
книги поместных и вотчинных земель Московского уезда датируются
1573—1574 гг.³, 1576—1578 гг.⁴ и 1584—1586 гг.⁵ В них попала основ-
ная часть поместных земель Московского уезда⁶. Для полноты картины
следует учесть писцовые книги Коломны 1577—1578 гг. и Звенигорода
1592—1593 гг. Книги 70—80-х годов XVI в. рисуют картину запустения
значительной части поместных земель, являвшегося результатом хозяй-
ственного разорения 70—80-х годов XVI в. Вместе с тем в них, как пра-
вило, указываются все те помещики, которые владели землями до их за-
пустения. Таким образом, ретроспективно эти книги показывают состав
землевладельцев-помещиков 50—60-х годов XVI в. Если б испомещение
тысячников было осуществлено, писцовые книги должны были бы дать
указания на землевладение подавляющего большинства тысячников.
Однако при внимательном изучении писцовых книг можно только
найти лишь около 90 человек из 1078, которые в какой-то мере мо-
гут быть сопоставлены с тысячниками. При этом принадлежность

их к тысячникам остается в ряде случаев весьма сомнительной. Дело в том, что они упомянуты лишь по имени и фамилии, а этого не всегда достаточно для отождествления их с тысячниками. Таких минимум 14 человек из 90¹, а может быть, и больше². Некоторые из упомянутых лиц были бояре, окольные и другие думные люди. Эти чины, конечно, могли бы получить свои земельные пожалования независимо от помещения тысячников³. Всего получается примерно 60—70 человек⁴ из помещиков 50—60-х годов XVI в. в Московском, Рязанском и Звенигородском уездах, которые входили в состав «избранной тысячи». Такое ничтожное число не позволяет сделать вывод, что реформа была проведена: 60—70 человек могли получить землю и позднее, тем более, что их полагалось наделить по проекту реформ.

В пользу этого предположения говорит распоряжение Ивана IV от 28 января 1556 г. отписать на его имя новгородское поместье С. А. Аксакова (тысячника по Кашину), ибо «Семена Аксакова пожаловали есмя поместьем в московских городех»⁵. Некоторые тысячники, несмотря на указание самой Тысячной книги, имели владения в Московском уезде независимо от проекта реформы 1550 г. Так, у Романа Пивова (тысячника по Ярославлю) была в этом уезде «старая вотчина» его отца⁶.

Не позволяет сделать вывод об осуществлении реформы 1550 г. и анализ боярской книги 1556 г.⁷ Всего в этой книге нами выявлено около 60 тысячников. Для значительной их части трудно определить, получили ли они земли по реформе 1550 г., ибо размеры их достигают 300—500 четвертей. Но в ряде случаев с абсолютной точностью устанавливается, что под Москвой у тысячников поместий не было. Так, у 14 служилых людей

поместья исчисляются в обжах, а не в четвертях, как обычно¹. По Тысячной книге мы знаем, что это были новгородские, ржевские и торопецкие помещики. У 14 лиц поместья исчислены в вытях². Согласно Тысячной книге, это были псковские и торопецкие помещики. Таким образом, ясно, что во всяком случае у 28 лиц под Москвой поместий не было. Следовательно, боярская книга 1556 г. свидетельствует о том, что тысячники псковичи и новгородцы под Москвой земель не получили. Проект реформы, вероятно, вследствие сопротивления реакционной части боярства, остался неосуществленным. Правительственный замысел лишь много позднее был использован при организации опричнины.

Возможно, в провале проекта сыграло роль то обстоятельство, что у правительства не было необходимого фонда свободных земель под Москвой. В годы опричнины испомещение было проведено за счет боярского землевладения; во время же правления Адашева и Сильвестра этого сделать еще было нельзя³. Впрочем, одна из сторон предполагавшейся реформы вскоре уже осуществилась. В 1551—1552 гг. была составлена Дворовая тетрадь, куда попали все служилые люди государственного состава армии, для замещения высших правительственных должностей и т. д.⁴ Отныне ежегодно по Дворовой тетради происходила проверка наличного состава государева двора. Судя по Дворовой тетради, его основную массу, несшую службу по «дворовому списку», составляли дети боярские, что свидетельствовало о росте политического влияния дворянства.

В свое время автором этих строк было сделано предположение, что Дворовая тетрадь являлась реальным списком государева двора и была составлена в 1551—1552 гг. и что дата «7045», имеющаяся в некоторых ее текстах, является испорченной от «7060»⁵.

Это предположение, однако, наталкивалось на некоторые препятствия, имевшиеся в Никифоровском списке памятника: там был помещен И. Г. Морозов (по сведениям Шереметевского списка дворовых чинов, умерший в 1549 г.) и имелись пометы 7056 (л. 102 об.) и 7094 (л. 147); три раза был упомянут 7060 год (лл. 116 об., 117, 127 об.). В своей рецензии на издание Дворовой тетради И. И. Смирнов полагал, что «время составления Тетради дворовой придется отодвинуть еще дальше — к началу 60-х годов», так как пометы в Никифоровском списке ведут нас к десятиям 50-х годов XVI в.⁶

В настоящее время найден новый Музейный список Дворовой тетради,

который решает этот вопрос¹. В его заголовке мы встречаем дату «7060» (т. е. 1551/52 г.), когда был составлен ее первоначальный текст, еще не оснащенный приписками.

Дата 1551/52 г. как время составления Дворовой тетради подтверждается и анализом списка бояр и окольничих из ее состава. В этих списках окольничие и бояре, получившие свои звания после 1151 г., помещены в хронологической последовательности².

Так, среди бояр последовательно помещены Д. И. Немой³, П. В. Морозов⁴, Ф. Г. Адашев⁵, В. Ю. Траханиотов⁶, И. М. Воронцов⁷, И. М. Троекуров⁸, И. В. Горянский⁹ и т. д. Последним среди бояр помещен Ф. И. Умный-Колычев, получивший свое звание в марте 1562 г.¹⁰

Такая же примерно картина наблюдается и в отношении окольничих. Здесь последовательно помещены: И. М. Воронцов¹¹, Д. А. Чеботов¹², А. Д. Плещеев¹³, Дав. Ф. Палецкий¹⁴, А. Ф. Адашев¹⁵, М. В. Яковлев¹⁶. Последним среди окольничих и других помещен А. А. Бутурлин¹⁷.

Итак, Дворовая тетрадь была действующим документом, к которому последовательно приписывались на протяжении 50—60-х годов XVI в. все новые данные о составе государева двора вплоть до начала 1562 г.¹⁸ Ее первоначальный текст был составлен в 7060 (1551/52 г.). Характерно, что среди бояр и окольничих, получивших свои звания до 1552 г., нет такого хронологически стройного порядка, как для лиц, получивших думные чины в более позднее время. Так, В. В. Морозов и И. Я. Чеботов, сведения об окольничестве которых относятся к лету 1551 г.¹⁹, помещены в разных местах списка: один — четвертым, а другой — через семь человек.

Таким образом, анализ текста Дворовой тетради подтверждает сведения пометы Музейского списка о составлении основной части памятника в 1551/52 г.

Благодаря Музейной рукописи устраняются и другие неточности, имевшиеся в Никифоровском списке¹. Если ранее мы имели только один список Дворовой тетради, содержащей интереснейшие пометы о служебных перемещениях верхов московского дворянства, то теперь к этому списку прибавляется другой, не только корректирующий его сведения, но и дающий ряд новых и интересных помет, опущенных составителем Никифоровского списка². В то же время Никифоровский и Музейский списки восходят к общему протографу, который хотя и не был подлинником 1551/52 г., но представлял собою один из списков 50-х годов XVI в.³ Дело в том, что в обоих списках имеются текстуально совпадающие пометы⁴, говорящие о том, что их протограф не был подлинником⁵. В Музейном списке (в отличие от Никифоровского) значительная масса помет находится на полях или между строк: составитель этого списка копировал их размещение, имевшееся, очевидно, в протографе. Однако много помет не выделено из самого текста памятника, как это было, очевидно, и в самом протографе.

Весьма возможно, что составитель протографа Никифоровского и Музейского списков Дворовой тетради брал свои данные не только из подлинника 1551/52 г., но и из приказной документации XVI в. (боярские списки, десяти).

Новые материалы Дворовой тетради дают дополнительные сведения о служебной деятельности в середине XVI в. видных представителей господствующего класса феодалов, многие из которых вошли впоследствии в состав войска опричников.

Составление Дворовой тетради оформляло выделение привилегированной части служилых людей в особую группу, служивших по дворovому списку (в отличие от городского дворянства). Дворовые дети боярские составляли основной контингент представителей господствующего класса, который назначался на высшие военные и административные должности. Поэтому составление Дворовой тетради отвечало интересам верхов русского дворянства и являлось попыткой осуществить в иных формах проект 1550 г. о выделении из числа дворян «тысячников», без применения для этой цели каких-либо массовых земельных пожалований.

Дворянская конница составляла в середине XVI в. основную массу русского войска. Однако уже с начала XVI в., в связи со значительными сдвигами, происшедшими в вооружении (распространение огнестрельного оружия), в составе русских вооруженных сил появляются отряды пищальников, свидетельствующие о зарождении на Руси элементов постоянной армии. Пищальники составили то основное ядро, из которого выросло стрелецкое войско.

Большинство советских исследователей датирует появление стрельцов 1550 годом и связывает его с известным продолжением хронографа 1512 г. о «выборе» Иваном Грозным «стрельцов ис пищалей»¹. А. В. Чернов относит возникновение стрелецкого войска к 1545 г.², основываясь на сведениях автора Казанской истории о стрельцах под 1546 и 1547 гг.³ При этом все исследователи подчеркивают важность организации стрелецкого войска, явившегося зародышем постоянной армии на Руси. В «Хронологических выписках» под 1545 г. К. Маркс писал, что «Иван IV учредил *постоянную личную охрану* (Leibwache), которую он называл *стрельцами*, так как она была вооружена пищалами (огнестрельным оружием вместо луков и колчанов). Часть этой охраны он разослал в остальные войска, чтобы они служили там основным ядром»⁴. Несмотря на то, что эта запись датирована 1545 годом, Маркс, несомненно, имеет в виду учреждение Иваном Грозным выборных стрельцов в 1550 г. Ни один русский источник не сообщает о каких-либо реформах Ивана IV в армии, которые были проведены в 1545 г.⁵ Сведения автора Казанской истории за 1546—1547 гг. также нельзя воспринимать без должной критики. В этом произведении, составленном в 1564—1566 гг., т. е. спустя 15 лет после реформы 1550 г., стрельцами могли называться отряды пищальников, имевшиеся в русском войске⁶. Но пищальники известны значительно ранее 1546—1547 гг. Поэтому необходимо выяснить отношение пищальников к стрельцам. Последние исследователи этого вопроса (С. Л. Марголин, А. В. Чернов) резко выступают против отождествления пищальников со стрельцами. «Пищальников, — пишет А. В. Чернов, — можно назвать предшественниками стрельцов и то лишь в части характера службы (рода войска) и вооружения... Во всем остальном (способ комплектования, внутренняя войсковая организация, служебное и материальное положение и пр.) стрельцы ничего общего не имели с пищальниками»⁷.

Впервые о пищальниках мы узнаем из разрядной книги, где они упоминаются под 1508 г.⁸ В Псковской первой летописи под 1510 г. говорится, что Василий III оставил в Пскове «детей боярских 1000, а пищальников новгородских 500»⁹. В поход 1512 г. под Смоленск было приказано собрать «з городов пищальники и на пскович накинуса 1000 пищальников, а псковичем тот рубеж не обычен»¹⁰. В 1535 г. среди русских войск в Гомеле были «дети боярские с ними же и пищалники»¹¹. Сообщая

о набеге крымского хана на Москву при Василии III, Герберштейн говорит, что на следующий год московский великий князь «впервые тогда пустил в дело пехоту и пушки»¹. В 1546 г. новгородские пищальники подняли бунт под Коломной². В походе на Казань 1549—1550 гг. пищальников «многих не было», что повлияло на неудачу этого военного предприятия³.

Пищальники представляли собой пешее войско, вооруженное огнестрельным оружием — пищальми. Располагались они отрядами в пограничных городах на северо-западе — в Пскове⁴, Ивангороде⁵, Кореле⁶, Торопце⁷, Ярославле (1517 г.)⁸ и др.⁹, а также в городах, составляющих южный и юго-восточный пояс, защищавший Русь от набегов крымцев и казанцев. Слободка пищальников была в Серпухове¹⁰. В «Крымских делах» упоминается, что в 1512 г. дети боярские, казаки, пищальники и «гости» приходили в Азов¹¹. Имелись пищальники в Кашире¹², возможно и в Коломне¹³. В ноябре 1537 г. пищальники, посошные люди и дети боярские находились «на службе» в Муроме¹⁴. Были пищальники и в Твери¹⁵.

Незадолго до прибытия на Русь Герберштейна (он был дважды — 1517 и 1526 гг.) в Замоскворечье Василий III «выстроил своим телохранителям новый город «Нали»¹⁶. Это бесспорно — слободка Наливки (у Якиманки). Речь в данном случае идет о создании слободки пищальников (в Наливках в XVII в. жили стрельцы)¹⁷. Перед нами прообраз позднейшей стрелецкой слободы в селе Воробьеве. Очень интересно сведение П. Иовия (1525 г.) о том, что Василий III «учредил отряд кон-

ных стрельцов»¹. Пищальники считались «людьми великого князя»² и были подведомственны в судебном отношении великокняжескому казначею, а на местах—городовым приказчикам³. Так же как и другие великокняжеские люди (например, бортники, пушкари) пищальники имели жалованные грамоты, освобождавшие их от подсудности наместникам и содержавшие те или иные податные льготы⁴.

Пищальники, жившие в слободах на посаде, наряду со своим основным делом, занимались ремеслом и промыслами⁵. В 1540/41 г. один из пищальников в Торопце имел лавку в большом ряду⁶. Набирались пищальники, очевидно, из «охочих» людей (как и другие приборные люди), главным образом, из горожан⁷.

В сентябре 1508 г. Василий III «велел нарядит з городов пищальников и посошных»⁸. Условия набора были различны. Так, в 1512 г. в Пскове брали одного человека с 6½ дворов (взято 1000 пищальников с 6500 дворов «застенья»). В 1545 г. в Новгороде брали одного пищальника с 4 дворов (с 6564 дворов Новгорода и пятин взято 1845 человек)⁹. Согласно правительственному распоряжению, Новгород должен был нарядить «с дворов», посадов и пригородов 2000 пищальников (1000 конных и 1000 пеших), причем должно было быть «у конных и у пеших, у всякого человека по пищаи по ручной»¹⁰.

За исправностью выставления пищальников внимательно следили. Летом 1546 г. за то, что «в спорех с сурожаны» не доставили на службу 40 человек пищальников, 25 опальных новгородцев свезли в Москву «и животы у них отписали»¹¹.

Обеспечивались пищальники, как позднее стрельцы, денежным и хлебным жалованьем. «Пищальные деньги», предшествующие «стрелецким деньгам», шли на жалованье пищальникам. Они известны по источникам уже с 30-х годов XVI в.¹² Когда отряды пищальников вместе с другими войсками посылались на службу, то они, возможно, снабжались там за счет местного населения¹³.

О военной организации пищальников нам ничего не известно. Но если судить по организации стрельцов, то, очевидно, и у пищальников были свои сотские, десятские и пятидесятские. За это говорит и сама близость пищальников к посадскому населению: сотские, десятские и пятидесятские были чинами администрации черносошного и посадского населения.

Связь пищальников с позднейшими стрельцами несомненна. Что это новгородцев в стрельцах лет 50 и больше (т. е. во всяком случае с 40-х годов XVI в.)¹. Термин «стрельцы» существовал уже ранее XV в.; им обозначали тогда всякого воина, стрелявшего из лука, а позднее — и из пищали².

В этой связи особенный интерес представляет рассказ об осаде Казани 1530 г. Постниковского летописца, описывавшего события первой половины XVI в. (до 1547 г.)³. Во время осады пошел сильный дождь. Тогда «который был наряд, пищали полуторные и семипядные и сороковые и затинные, привезен на телегах на обозных к городу, а из иных было стреляти по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали. И того ж дни, вылезчи из города, казанци в город обоз и весь наряд взяли». После этого войска стояли под городом 20 дней, но вынуждены были 30 июня 1530 г. отойти⁴.

Перед нами самое раннее упоминание о стрельцах, до сих пор неизвестное в литературе. Летописец, написавший приведенный выше текст, не мог писать «задним числом», т. е. через 20 лет, как и не мог записать позднее и другие свои сведения: все они носят характер записей современника, изобилуют конкретными данными и подробностями, которые двадцать-тридцать лет не могли храниться в памяти. Итак, несомненно, что в 1530 г. стрельцы уже существовали. По контексту рассказа, особенно, если мы его сопоставим со сведениями автора Казанской истории о борьбе за Казань в 40-х — начале 50-х годов XVI в., напрашивается вывод о том, что стрельцы были другим наименованием (бытовым) пищальников. И. С. Пересветов в своих произведениях, написанных во всяком случае до осени 1549 г., также упоминает о «стрельцах» — воинах «огненной стрельбы», что подтверждает не только существование стрельцов до реформы Ивана Грозного, но и близость их к пищальникам.

Появление пищальников — зародыша постоянного войска, вербовавшегося из посадского населения, было событием большого значения. Говоря о перевороте в военном деле, произведенном порохом, Ф. Энгельс писал: «Чтобы добыть порох и огнестрельное оружие, нужны были промышленность и деньги, а тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и возвышающейся монархии, которая в своей борьбе против феодального дворянства опиралась на города»⁵.

Дальнейшее развитие войска пищальников связано с реформами середины XVI в.: между сентябрем 1549 и августом 1550 г., очевидно, летом 1550 г.¹ Иван Грозный учредил «выборных стрельцов ис пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе, а головы у них учинил детей боярских». Было создано 6 «статей» (или «приказов») по 500 человек стрельцов с «головами» во главе. Стрелецкие «статьи» делились на сотни, имевшие своих сотников, пятидесятских и десятских². Иван Грозный «жалованье стрельцом велел давати по четыре рубли на год»³. Итак, речь шла о реорганизации старых отрядов пищальников; «выборные стрельцы» созданы были «ис пищалей», т. е. из среды пищальников. Войско пищальников отныне стало именоваться стрелецким. Из него Иван Грозный выделил «выборный» отряд в 3000 человек. Казанский летописец сообщает, что Иван Грозный «еще ново прибави к ним огненных стрелцов много, к ратному делу гораздо изученных и глав своих не щадящих»⁴. Вся организация стрелецкого войска представляла развитие строя отрядов пищальников. Реформа 1550 г. имела целью учредить «выборных стрельцов» или, говоря словами Маркса, «постоянную военную охрану». С этого времени термин «пищальники» постепенно исчезает⁵; им только изредка именуются пушкари-пищальники⁶.

Стрельцы, сыгравшие большую роль в походах 1551—1552 гг. на Казань⁷, сделались ядром постоянного войска. Хорошо вооруженное стрелецкое войско имело значительное преимущество над дворянской конницей, постепенно уступавшей ему место. Недаром Энгельс отмечает, что «с развитием бюргерства пехота и артиллерия все больше становятся решающими видами вооруженной силы...»⁸.

Однако прежде чем постоянное войско доказало свою жизненность и преимущества над дворянской конницей, должно было пройти не мало времени. Пищальники-стрельцы в XVI в. и войска «нового» строя в XVII в. были этапами становления постоянной армии в России.

* * *

Подведем некоторые итоги. Военные реформы в 1549—1552 гг., проведенные правительством Адашева и Сильвестра, привели к укреплению русских вооруженных сил: было ограничено местничество воевод, что поднимало боеспособность армии, реорганизованы отряды пищальников (получившие отныне наименование стрельцов) и т. д. Все это сказалось уже в ходе успешной борьбы Русского государства за Казань и Астрахань. Вместе с тем реформы 1549—1552 гг. носили компромиссный характер:

феодалная аристократия еще сохранила свои позиции в командном составе русских войск, в 1550 г. не было осуществлено испомещение тысячников и, наконец, не были регламентированы служилые обязанности светских феодалов. Все это привело к тому, что правительство Адашева, в котором после разгрома боярского «мятежа» 1553 г. большую роль стали играть представители дворянства, в 1555—1556 гг. провело новые реформы («Уложение о службе» 1555—1556 гг., оформление Разрядного приказа в 1555 г., составление Государева родословца 1555 г. и Древнейшей разрядной книги 1556 г.), сыгравшие значительную роль в укреплении русских вооруженных сил.
